

Никто не знал, каким именно авторитетом Лю Цзин пользуется в резиденции главнокомандующего, но дядя Цзю, купив этих людей, до того боялся навлечь на себя гнев брата, что до сих пор не решался ничего предпринять. Он даже не смел попробовать приударить за ними.

Дядя Цзю сдерживался из страха перед Лю Цзином, но Лю Аню бояться было нечего, поэтому с того самого момента, как он переступил порог резиденции, он ни минуты не сидел спокойно. Поскольку выйти из дворика дяди Цзю он не мог, а посторонние сюда не допускались, единственным человеком, кроме Цзинь Лушэна, который мог хоть как-то расшевелить его, оставался слуга по прозвищу Сяо Вэньцзы.

Этот паренек был худым, болезненным и не отличался особой сообразительностью. Дядя Цзю приставил его прислуживать Лю Аню и Цзинь Лушэну. В итоге, хотя особого усердия в службе слуга не проявлял, Лю Ань с его помощью досконально изучил все порядки в резиденции. При этом Сяо Вэньцзы вечно строил из себя невинную овечку с лицом, выражающим полное «я ничего не говорил», даже не подозревая, что такой проницательный человек, как Лю Ань, давно вытянул из него всю подноготную, не оставив ни косточки.

Цзинь Лушэн — этот простодушный малый — рядом с Лю Анем не стал умнее, зато научился любить зрелища. До тех пор, пока острый ум Лю Аня не был направлен против него самого, он всегда с удовольствием наблюдал за происходящим.

В тот вечер, сразу после ужина, Сяо Вэньцзы пришел пригласить их помыться и переодеться. Цзинь Лушэн не заподозрил подвоха, но Лю Ань сразу понял: дядя Цзю затевает что-то недоброе! Раньше перед сном им полагалось только омовение, но никогда — смена одежды. Раз появилось это новое условие, значит, для этого была причина, и причина эта могла заключаться только в дяде Цзю.

— Помоемся и сразу спать, к чему еще переодеваться? — проворчал Лю Ань.

Цзинь Лушэн, услышав это, счел слова друга разумными и поспешил поддакивать.

Сяо Вэньцзы же с самым серьезным видом заявил:

— Третий молодой господин хочет видеть вас сегодня вечером, разумеется, нужно подготовиться.

— Невозможно, — отрезал Лю Ань. — Мы здесь уже столько времени, если бы Третий молодой господин хотел нас видеть, давно бы пришел!

Цзинь Лушэн не знал почему, но ему показалось, что Лю Ань сейчас чувствует себя обиженным, и он посмотрел на него с сочувствием.

Сяо Вэньцзы, напротив, выглядел так, будто наконец-то дождался их звездного часа:

— Второй молодой господин знал, что в нашем дворе пополнение, и до этого молчал, поэтому Третий молодой господин не смел ничего предпринимать. Но сегодня Второй молодой господин дал свое слово, сказав Третьему, чтобы тот вел себя прилично и не творил ничего незаконного. Хотя сказано это было так, фактически это означало молчаливое согласие. Наконец-то и на нашей улице праздник!

Вторым молодым господином был Лю Цзин.

В словах Сяо Вэньцзы таилось много смысла. Во-первых, во дворе дяди Цзю определенно были шпионы Лю Цзина, иначе дядя Цзю не боялся бы творить бесчинства, даже запершись за закрытыми дверями — это означало, что всё происходящее здесь быстро становилось известно Лю Цзину. Во-вторых, дядя Цзю действительно до смерти боялся своего брата-военного. Хотя они были близнецами и разница в возрасте составляла меньше получаса, их положение в резиденции главнокомандующего было как небо и земля.

Когда Сяо Вэньцзы ушел, Цзинь Лушэн заволновался не на шутку.

Хотя он происходил из семьи купцов, с детства он жил в роскоши и не знал настоящих невзгод. А сейчас, когда его вынуждали прислуживать мужчине, он был категорически против. Раньше он не особо беспокоился лишь потому, что был беспечен и не верил в беду, пока не оказывался на самом краю, но теперь, когда дело дошло до сути, он не на шутку испугался.

— Лю Ань, ты же вроде симпатизируешь ему? Может, скажешь ему, чтобы я... был твоим слугой? — предложил Цзинь Лушэн.

— А почему бы тебе не попросить его отпустить тебя, чтобы ты мог вернуться к отцу в торговый караван? — спросил Лю Ань.

— Точно! Отец у меня один, если он меня не найдет, даже страшно представить, как он будет переживать! — Цзинь Лушэн был готов расплакаться.

У Лю Аня от этих слов затрещала голова. Он спросил:

— Если тебя сейчас отпустить, ты хотя бы знаешь, где твой отец?

Цзинь Лушэн растерянно покачал головой. Он столько лет путешествовал с караваном, но так и не усвоил элементарных вещей: ни способов связи, ни торговых маршрутов — его голова явно была занята чем-то другим.

— Не паникуй. Я гарантирую, что тебе не придется прислуживать мужчине, и сделаю всё, чтобы вернуть тебя к отцу, — сказал Лю Ань беззаботно. Но в тот момент его взгляд слегка сфокусировался, и в нем промелькнула уверенность, заставляющая невольно поверить ему. И Цзинь Лушэн поверил.

Неизвестно, в чем было дело, но Лю Ань — хрупкий, бледнолицый юноша, который, казалось, мог пошатнуться от порыва ветра, — обладал во взгляде какой-то почти осязаемой силой. Стоило кому-то заглянуть в его глаза, как он неминуемо подпадал под его влияние. Так было с владельцем Юй, так было с Юйчжу, так случилось и с Цзинь Лушэном. Даже отец Цзинь Лушэна в свое время решил приютить Лю Аня именно из-за того самого взгляда.

Приведя себя в порядок, они покорно последовали за Сяо Вэньцзы в покои дяди Цзю.

Надо сказать, дядя Цзю был весьма хорош собой и обладал внешностью настоящего благородного мужа. И хотя сейчас он явно замышлял не самые благопристойные вещи, в его взгляде, обращенном на Лю Аня и Цзинь Лушэна, не было ни капли пошлости, напротив, он был подобен весеннему ветерку.

Лю Ань, глядя в лицо дяди Цзю, подумал, что Лю Цзин, будучи его близнецом, наверняка выглядит так же. Однако тот, должно быть, казался еще более притягательным, ведь он прошел через поля сражений и убивал людей, в отличие от своего братца, который целыми днями околачивался в публичных домах.

— Юйчжу сказал, что вы еще не выбрали себе имена, и велел мне дать их на свой вкус... — дядя Цзю поманил их к себе и похлопал себя по бедрам, приглашая сесть по обе стороны от него.

Цзинь Лушэн машинально взглянул на Лю Аня и, увидев, как тот покраснел, решил, что он просто не может дождаться момента, ведь когда-то Лю Ань получил помощь Юйчжу именно под предлогом симпатии к дяде Цзю. Мысли Цзинь Лушэна лихорадочно неслись: он решил, что Лю Ань просто слишком застенчив, и, движимый благими намерениями, подтолкнул его.

От этого толчка Лю Ань без всякого сопротивления рухнул в объятия дяди Цзю. Сохраняя на лице «смущение», про себя он пообещал, что при первой же возможности обязательно «отблагодарит» Цзинь Лушэна за эту услугу.

Дядя Цзю воспользовался моментом, усадил Лю Аня к себе на колени и, ласково поглаживая его по руке, спросил:

— Как вас звали раньше?

— Его зовут Лю Ань, а меня Цзинь Лушэн, потому что я родился в дороге, — Цзинь Лушэн больше всего любил рассказывать о своем имени и никогда не упускал случая сделать это.

— Имена вполне неплохие, пусть так и будет... Ну же, Лушэн, иди сюда, — дядя Цзю поманил Цзинь Лушэна и похлопал себя по другому бедру. Тот виновато посмотрел на Лю Аня, чувствуя себя так, словно совершает нечто предосудительное, но все же, неуверенно переступая, подошел — Лю Ань ведь просил не устраивать сцен.

— Не бойтесь, — дядя Цзю обнимал обоих юношей, чувствуя себя на седьмом небе от счастья, но сохраняя маску благородного мужа. — Я обещал Юйчжу, что не трону вас по-настоящему, пока вам не исполнится четырнадцать. Но это зависит от вашего старания. Юйчжу говорил, что вы оба научились у него искусству ублажения, и что можете доставить мне удовольствие, не прибегая к близости. Сегодня я хочу посмотреть, не хвастался ли он.

Говоря это, он начал бесстыдно ощупывать талию и ягодицы Лю Аня и Цзинь Лушэна, недвусмысленно намекая: если они не справятся, то о данном Юйчжу обещании он и не вспомнит!

Что до искусства ублажения, то Лю Ань и Цзинь Лушэн, разумеется, были обучены ему в совершенстве — это было прямое наследие Юйчжу. Без ложной скромности: при внешности Лю Аня, его выдающихся способностях к обучению и пониманию людской натуры, никто не остался бы недоволен, если бы он решил кому-то угодить.

Увы, дяде Цзю такой удачи не светило.

Тот, кому эта удача была предназначена, в этот момент еще не знал, что стал объектом пристального внимания, и был занят делами, склонившись над бумагами при свете лампы. Северная экспедиционная армия была расквартирована за пределами города, но раз уж Лю Цзин вернулся и начальство настаивало на его постоянном пребывании в столице, ему не оставалось ничего, кроме как числиться при Министерстве военных дел.

Однако, привыкший к вольной жизни, Лю Цзин не мог долго усидеть в министерстве, поэтому просто заезжал туда отметить, а рабочие бумаги забирал домой в резиденцию. В любом случае, ему не поручали ничего важного, и того, что он вообще соглашался делать вид, что работает, было достаточно — никто не был настолько слеп, чтобы навлекать на себя его гнев.

— Второй молодой господин... Беда... — в кабинет вбежал слуга, споткнулся о порог и едва не растянулся на полу.

Лю Цзин, который в этот момент что-то помечал на докладе, даже не поднял головы и холодно произнес:

— Пожар в резиденции?

Слуга похолодел, поспешно взял себя в руки, ответил отрицанием и, стараясь сохранять спокойствие, замер в ожидании дальнейших вопросов. Этот человек был из тех, кого Лю Цзин внедрил во дворик дяди Цзю. Хотя он служил Лю Цзину, солдатом он не был и вечно болтался без дела, поэтому действовал порой излишне суетливо. Лю Цзин, чье терпение было не безгранично, терпеть не мог суматохи, поэтому нетерпеливо нахмурился и поднял взгляд, выражая немой вопрос.

— Третий молодой господин... ранен! — заикаясь, произнес слуга.

Лю Цзин нахмурился еще сильнее:

— Это Третий молодой господин ранен, или кто-то из его двора?

— Это... это Третий молодой господин, — ответил слуга.

— Серьезно? — спросил Лю Цзин.

— Его... укусили за ногу... лекаря уже вызвали, — доложил слуга.

Лю Цзин нахмурился еще больше:

— Ты уверен, что за ногу, а не за что-то другое?

— За ногу, — подтвердил слуга.

— А я уж подумал, что его там до смерти загрызли, — Лю Цзин бросил кисть на стол, на его лице отразилось крайнее недовольство.

Долгое время проведя на полях сражений, он терпеть не мог всей этой суеты из-за пустяков. Вернувшись в столицу, он опасался, что его брат натворит глупостей, поэтому и приставил к нему людей. Хотя сам Лю Цзин не посещал таких мест, как публичный дом Сюньхуань, он был наслышан о том, как развратные аристократы часто до полусмерти забивали купленных юношей. Он не хотел, чтобы брат запятнал руки кровью, поэтому постоянно присматривал за ним.

Кто бы мог подумать, что дядя Цзю не только никого не убил, но еще и сам пострадал от укуса!

Лю Цзин чувствовал досаду на брата, но все же решил лично сходить и посмотреть.

Во дворе дяди Цзю творилось нечто невообразимое: отряд гарнизонных солдат, услышав вопли дяди Цзю, больше похожие на предсмертный вой, примчался на подмогу, но, увидев картину, оказался в неловком положении и теперь толпился во дворе, не зная, что делать.

Из дома доносились гневные проклятия дяди Цзю — голос его звучал достаточно бодро, чтобы предположить, что ранение не смертельное.

Когда Лю Цзин, шагая в лунном свете, приблизился к дворику, он издалека заметил худощавого юношу, который прямо стоял на коленях перед дверью дома. В разгар лютой зимы на юноше не было верхней одежды — только тонкая нижняя рубаха. На груди виднелись пятна крови, такие же следы были на рукавах — очевидно, он вытирал рот после того, как совершил свой укус.

Почти в тот же миг юноша вдруг поднял голову, и в сумраке ночи его взгляд столкнулся со взглядом Лю Цзина.

Автор примечает:

Атакующий господин: Кто-то покусал моего младшего брата, должен ли я отыграться на нем и укусить в ответ??? И куда лучше кусать??? Жду ответа онлайн... СРОЧНО!!!

<http://bllate.org/book/27598/3354792>